

На правах рукописи

Потапов Андрей Евгеньевич

**УЧАСТИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В ПРИСОЕДИНЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ
(70-90-е годы XIX века)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Краснодар 2020

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Научный руководитель:

Бурдун Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» МО РФ, старший научный сотрудник научно-исследовательской части (работа по совместительству) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Официальные оппоненты:

Годовова Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (г. Оренбург);

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Социальные технологии и гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (г. Тольятти).

Ведущая организация: ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва).

Защита состоится 22 мая 2020 года в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>.

Автореферат разослан «__» марта 2020 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Значительная часть южных рубежей Российской Федерации совпадает с районами расселения казаков. Распад СССР и необходимость обеспечить безопасность России в новых геополитических условиях вызвал повышенный интерес к истории участия казачества в защите границ страны и в обеспечении её стабильности¹. Казачество сыграло важную роль в присоединении к России новых регионов, и их интеграции в единое историческое пространство. Вместе с тем, многие аспекты особенностей боевой подготовки и использования казачьих формирований остаются недостаточно изученными. В частности, представляет интерес опыт участия кубанских казаков в Закаспийских походах 70–80-х годов XIX в., в охране государственных границ в условиях пустыни и горного ландшафта².

В то же время, роль казачества в военной истории до сих пор является предметом споров. Наряду с апологетикой казачества, встречаются и крайне негативные оценки. Так, в некоторых российских и зарубежных публикациях кубанских казаков обвиняют в геноциде и преступлениях, совершённых в колониальных войнах в Средней Азии. Антирусская направленность части современной зарубежной историографии сопровождается обвинениями против казаков. В частности, в современных туркменских публикациях даётся односторонняя оценка действий российских войск, якобы уничтоживших туркменскую государственность: подчеркиваются «зверства колонизаторов», но не говорится о причинах, побудивших предпринять походы против туркменских племён. Такая трактовка способствует формированию антирусских настроений и грозит международными осложнениями в будущем. «Войны исторической памяти» быстро превращаются в информационные войны. Опровержение фальсификаций требует анализа многочисленных источников и установления истины.

До сих пор противоположные суждения вызывает вопрос о сравнительной эффективности действий казачьих и регулярных войск. В боевых действиях на территории Туркмении с 1876 г. в составе конницы преобладали кубанские казаки, а в дальнейшем именно они постоянно дислоцировались в Закаспийской области и несли службу (в т.ч. пограничную) вместе с туркменской конной милицией. В ходе совместной службы кубанских казаков и туркмен происходило не только общение, но и взаимопознание людей разных культур. Исторический опыт взаимодействия кубанского казачества с исламскими народами также требует анализа, как в условиях военного противоборства, так и послевоенного сотрудничества.

Степень научной разработанности темы. История присоединения Средней Азии к Российской империи отражена в значительном количестве

¹ Ченцов И.В., Таболина Т.В. Казачество в системе национальной безопасности России. М., 2001; Бугай Н.Ф. Казаки Юга России. Исторический экскурс. М., 2015 и др.

² Никитин Н.И. Формирование восточных границ России (конец XVI – начало XX в.) // Формирование территории Российского государства XVI – начало XX в. (границы и геополитика). 2-е изд., испр. М., 2017. С. 203–243.

научных изданий. Процесс научного осмысления проблемы можно подразделить на следующие периоды: дореволюционный, советский и современный (постсоветский). Первыми историками присоединения Средней Азии к России были офицеры и генералы – участники походов. Они имели доступ к документам, опирались на собственные воспоминания и свидетельства сослуживцев. Места недавних боёв они могли видеть собственными глазами, даже если не участвовали лично³.

В трёхтомном труде М.А. Терентьева⁴, содержащем подробную и часто уникальную информацию о завоевании Средней Азии, есть ценные сведения и об участии кубанских казаков в походах. Н.И. Гродеков, находясь в составе отрядов, где действовали кубанские казаки, описал истории Хивинского похода 1873 г. и Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг.⁵ Описание Хивинского похода сделано Ф.И. Лобысевичем⁶. Ценные сведения о роли кубанских казаков в присоединении Туркмении, содержатся в трудах А.Ф. Арцишевского, А.А. Майера, А.Н. Маслова и особенно А.Н. Куропаткина⁷.

Ниже по уровню оцениваем труды казачьих историков. Не будучи профессионалами, они имели слабое представление о критике источников, зато хорошо понимали казачью службу, лично знали участников событий. Это касается книги И.Е. Гулыги – с описанием участия казаков Полтавского полка в Ахал-Текинской экспедиции⁸, и книги историка Кавказского полка А.Д. Ламанова, законченной к концу 1919 г., но опубликованной только в 2011 г.⁹

В целом, в дореволюционных российских публикациях военные действия в Закаспийском регионе оценивались как вынужденная мера, продиктованная военно-стратегическими соображениями, необходимостью противостоять английской экспансии и положить конец хищническим набегам на соседние территории. Действия казаков в данных походах практически всегда воспринимались как образцовые и достойные восхищения.

³ Бурдун В.Н., Соклаков А.Ю. Участие кубанского казачества в среднеазиатских походах 70–80-х гг. XIX века в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 2. С. 41–47; Бурдун В.Н. Кубанское казачество в войнах второй половины XIX века в освещении дореволюционной отечественной историографии. Краснодар, 2013. С. 125–167 и др.

⁴ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб., 1906.

⁵ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–4. СПб., 1883–1884; он же. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1883; то же. 2-е изд., доп. СПб., 1888.

⁶ Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода 1873 года. СПб., 1883.

⁷ Арцишевский А.Ф. Михаил Дмитриевич Скобелев в Ахал-Теке. 1880–1881. Очерк и его письма. Тифлис, 1883; Майер А.А. Год в песках. Наброски и очерки Ахалтекинской экспедиции. 1880–1881. Кронштадт, 1886; Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева. СПб., 1887; Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). СПб., 1889.

⁸ Гулыга И.Е. 1-й Полтавский Кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913.

⁹ Ламанов А.Д. История Первого Кавказского полка. Кропоткин, 2011.

В советский период изучение истории казачества не поощрялось. В публикациях 1920–30-х годов казаки выглядели душителями свободы и независимости угнетенных народов¹⁰. Напротив, с конца 1930-х гг. советская историческая наука присоединение Туркмении к России трактовала в духе концепции «наименьшего зла», а в 1951 г. академик М.В. Нечкина указала на ограниченность и противоречивость данной теории, положив начало дискуссии об якобы добровольном присоединении разных народов к России. Лишь в немногих работах кубанские казаки упоминались в связи с завоеванием региона¹¹. Особенно бдительно надзорные органы следили, чтобы интерес к истории казачества не пробуждался в районах традиционного проживания казачества. Такое положение стало меняться лишь с середины 1980-х гг.

Первую в советской историографии монографию, посвященную истории кубанских казаков с конца XVIII в. до современности, которая вызвала негативную оценку как среди казаков, так и среди профессиональных историков, написал И.Я. Куценко¹². Игнорируя критику и продолжая антиказачьи публикации, И.Я. Куценко писал и о походах в Средней Азии¹³, но научных открытий не совершил¹⁴. Действительно научные исследования по военной истории ККВ О.В. Матвеева и Б.Е. Фролова затрагивают отдельные сюжеты, связанные с участием казаков в завоевании Туркмении, в военном конфликте с афганцами на р. Кушке в 1885 г. и в установлении границы России с Афганистаном¹⁵. Странное впечатление производит книга о казаках-лабинцах¹⁶, где ничего не говорится о действиях сотен Лабинского полка в Туркмении до 1880 г., а их участие в штурме Геок-Тепе опирается на фальсификацию (на помещённом в книгу плане выделяются действия Лабинского полка, не упомянутого в диспозиции Скобелева). Специальные исследования об участии

¹⁰ Йомудский Н. Истребление туркмен во имя спасения человечества // Туркменоведение. 1928. № 10–11; Рабинович И. Завоевание Туркмении царскими войсками (1883–1885 гг.) // Борьба классов. 1936. № 8.

¹¹ Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

¹² Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990; он же. Кубанское казачество. 2-е изд., доп. Краснодар, 1993.

¹³ Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007. С. 51. Куценко И.Я. Победители и побежденные. Кубанское казачество: история и судьбы. Кн. 1. Императорский поместный этнос. Краснодар, 2010. С. 310–330, 371–449.

¹⁴ Матвеев О.В. [Рец. на кн.:] И.Я. Куценко. Победители и побежденные. Кубанское казачество: истории и судьбы. Кн. 1. Императорский поместный этнос // Российская история. 2012. № 1.

¹⁵ Матвеев О.В. «Чтоб афганец вспоминал...» Среднеазиатские походы в устной исторической традиции кубанских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2000. С. 51–54; Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. Краснодар, 2003; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...». Краснодар, 2005; Матвеев О.В. Кубанские казаки на Кушке (пограничный конфликт 1885 года) // Историко-географический сборник. Краснодар, 2007. Вып. 1. С. 286–297; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007; Матвеев О.В. М.Д. Скобелев в исторической памяти кубанского казачества // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2009. № 1. С. 250–253; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыш. Краснодар, 2012 и др.

¹⁶ Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Никосия, 1996.

казачества в присоединении Средней Азии к России появились сравнительно недавно, в том числе о роли казаков в Хивинском походе 1873 г.¹⁷ и походах в Туркмению¹⁸.

Накануне и после распада СССР произошла резкая смена оценок в исторических трудах среднеазиатских авторов, которые стали делать упор на разоблачение российского царизма. Уровень исторических представлений в бывших среднеазиатских республиках СССР неуклонно снижается¹⁹. Однако новые псевдоисторические концепции влияют на изменение национального самосознания, особенно, когда они становятся частью государственной идеологии. В среднеазиатских странах искажения истории, накопленные в советский период, не только не исправлялись, но и приобрели более неадекватный характер, базируясь на русофобии и национализме²⁰. Туркестанские походы второй половины XIX в. стали использоваться в «войнах исторической памяти»²¹, что негативно влияет на межгосударственные отношения, формируя антироссийские настроения, особенно в результате описаний мнимых «зверств колонизаторов»²².

В независимом Туркменистане книга «Рухнама» с 2002 г. стала рассматриваться как вторая по значению после Корана, обязательная для изучения всеми туркменами. О присоединении Туркмении к России в ней говорится следующее: «Геоктепинская война 1879-1881 гг. наносит сокрушительный урон всему укладу жизни туркмен. Рушатся последние устои туркменской государственности»²³. Эти «последние устои» рухнуть не могли по причине

¹⁷ Потапов А.Е., Малов В.А. Кубанские казаки в составе экспедиционных корпусов. Хивинский поход 1873 года // Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность. Краснодар, 2013. С. 93–101; Кузнецов В.А. «Будет памятником непоколебимого мужества, которое явили русские войска...»: Участие оренбургского и уральского казачества в покорении Хивинского ханства в 1873 году // Военно-исторический журнал. 2014. № 5. С. 32–35 и др.

¹⁸ Матвеев О.В. «Чтоб афганец вспоминал...» Среднеазиатские походы в устной исторической традиции кубанских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2000. С. 51–54; Бурдун В.Н., Шахторин А.А. Участие кубанских казаков в среднеазиатских походах 1879–1881 гг. // Голос минувшего. 2004. №3–4. С. 23–29; Матвеев О.В. Кубанские казаки на Кушке (пограничный конфликт 1885 года) // Историко-географический сборник. Краснодар, 2007. Вып. 1. С. 286–297; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007; Кузнецов В. «Давно знакомы с азиатцами»: Казачество в Ахалтекинской экспедиции // Родина. 2011. № 1. С. 107–109; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыш. Краснодар, 2012.

¹⁹ Кирчанов М.В. Политические и интеллектуальные мифологемы современного туркменского национализма // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2010. Т. 13. Вып. 1. С. 67.

²⁰ Аминов И.И. Организационно-правовые основы становления и развития российско-туркменских отношений (1714–1917 гг.). М., 2017. С. 22.

²¹ Рахимов Р.Н. Туркестанские походы второй половины XIX в.: опыт военной истории России в современных «войнах памяти» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 202–217.

²² Дубовиков А.М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казаками // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 2017. № 1 (21). С. 75.

²³ Туркменбаши С. Рухнама. Ашхабад, 2002. С. 36.

отсутствия у туркменских племён государственности²⁴. Тем не менее, в 1990 г. указом С. Ниязова день взятия русскими крепости Геок-Тепе был объявлен национальным «Днем памяти», отмечаемым как общенациональный траурный день²⁵.

К фальсификациям прибегают и в других республиках Средней Азии. Так, Ш.Н. Саламов утверждает, что русские «колонизаторы не только разрушали и сравнивали с землёй исторические святыни и города, воздвигнутые до них, наоборот, вместо освобождения задокументировали официальное рабство»²⁶. Ложь очевидна: именно по требованию русских местные правители вынуждены были ликвидировать рабство, нет ни одного примера уничтожения исторических святынь и городов в завоёванном Туркестане. В узбекском учебнике по исторической географии утверждается, что в «1881 г. русские заняли город Гектепе (Ашхабад). В 1884 г. была занята Мервская долина»²⁷. Здесь Гектепе (Геок-Тепе) назван городом, хотя городов в то время у туркмен вообще не было, Асхабад и Геок-Тепе находятся в разных местах.

В англо-американской историографии упор делается на русскую угрозу соседним странам, а также Британской Индии. В значительной мере оценки этих авторов опираются на информацию американского корреспондента Я. Мак-Гахана и английского Ч. Марвина²⁸, сопровождавших русские войска в походах²⁹. Современные англо-американские историки практически не уделяют внимания подробностям завоевания Туркмении русскими войсками. Нередко они написаны на дилетантском уровне. Так, американец П. Фредерикс всерьёз сравнивает сипаев Британской Индии с казаками, представляя последних, как некие туземные иррегулярные формирования, которые царизм использовал в своих колониальных войнах³⁰. Для понимания роли казаков в присоединении Средней Азии к России англо-американская историография ничего не даёт.

В современной историографии имеется немало пробелов и спорных вопросов, касающихся присоединения Туркмении в России. Замалчивание «неудобных тем» в российской науке даёт лишь отрицательный результат. Вышеприведённые примеры обработки массового сознания в современной

²⁴ Академик В.В. Бартольд отмечал, что «в Семиреченской и Закаспийской областях русские нашли только развалины прежних городов» (Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 341).

²⁵ Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 207.

²⁶ Саламов Ш. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Дашнаки от Ферганы до Карабаха. Ташкент, 2015. С.13.

²⁷ Саидбобоев З.А. Историческая география. Ташкент, 2011. С. 155.

²⁸ Мак-Гахан. Поход на Оксус и падение Хивы // Военный сборник. 1874. № 10. С. 12–23; № 11. С. 14–25; № 12. С. 18–31; Marvin Ch. Merv, the Queen of the World; and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans: With an Exposition of the Khorassan Question. L., 1881; Marvin Ch. The Russian Advance towards India. L. 1882; и др.

²⁹ Marvin, Ch. The Eye-Witnesses' Account of the Disastrous Russian Campaign against the Akhal Tekke Turcomans. L., 1880.

³⁰ Fredericks P.G. The Sepoy and the Cossack: The Anglo-Russian Confrontation in British India. N.Y., 1971. См. также: McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855–1914. N.Y., 1987; Le Donne J.P. The Russian Empire and the World 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y.; Oxford, 1997.

Туркмении требуют адекватного ответа и установления исторической правды. Туркестанские походы русских войск даже не упоминаются в экспозициях Центрального музея Вооружённых сил РФ в Москве, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге – крупнейших военно-исторических музеях страны. Крайне жжато говорится о них в учебной литературе даже для студентов-историков.

В последние годы тематика исследований, связанных с присоединением Средней Азии к России, начала расширяться. В частности, недавно стала изучаться организация пограничной охраны в Туркестане в конце XIX – начале XX в.³¹, хотя почти не освещается роль казачества. Исключением являются работы Е.Н. Лещёва о роли Семиреченского казачества в охране границы³². Представляется важным исследовать роль Кубанского казачества в обеспечении безопасности границы России с Персией и Афганистаном. Правоммерно также поставить вопрос о сравнительной характеристике боевых качеств кубанских казаков и текинской конницы, которую М.Д. Скобелев назвал «лучшей в мире кавалерией»³³. Важно изучить вопрос об эффективности применения казаков для охраны границ, разведки и борьбы с разбоем в условиях Туркестана.

Таким образом, проведённый анализ многочисленных работ как по истории присоединения Средней Азии к России, так и по истории ККВ, свидетельствует о научной актуальности избранной темы и о её слабой изученности. Комплексное исследование участия кубанского казачества в присоединении территории Средней Азии к Российской империи не проводилось.

Объектом исследования диссертации выступает процесс присоединения к Российской империи территории Средней Азии.

Предметом исследования является участие кубанского казачества в Хивинском походе 1873 г. и присоединении территории Туркмении к России, а также служба на этой территории до конца XIX в.

³¹ Клементьев В.В. Военное ведомство в охране границы Российской империи с XVIII по XX век: дис... канд. ист. наук. М., 2000; Юхов С.А. Взаимодействие ведомств в защите государственной границы Российской империи: дис... канд. ист. наук. М., 2001; Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи Отдельным корпусом пограничной стражи: дис... канд. ист. наук. М., 2004; Варакин И.А. Становление и развитие охраны государственной границы органами государственной власти Российской империи: 1721–1917 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2009; Лещёв Е.Н. Историография деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границы Российской империи в Средней Азии (1860–1917 гг.) // Вестник Военного университета. 2010. № 4 (24). С. 92–95; Ульянич А.М. Исторические аспекты пограничного и таможенного контроля на границе Российской империи в 1721–1917 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2010; Некрасов О.В. Исторический опыт Памирского отряда по охране границы Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. М., 2017.

³² Лещёв Е.Н. Охрана государственной границы Семиреченским казачьим войском (1867–1917 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2004; Лещёв Е.Н. Деятельность военного министерства по обеспечению безопасности государственной границы Российской империи в Средней Азии (на примере Семиреченского казачьего войска). М., 2008.

³³ Воронцов С.Л. М.Д. Скобелев и военные действия русской армии в Средней Азии во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 191.

Территориальные рамки исследования включают территорию Кубанской области, где формировались полки ККВ, участвовавшие в завоевании Средней Азии, полуостров Мангышлак, Хивинское ханство и Туркмению, где происходили военные действия с участием кубанских казаков и проходила их служба в 70–90-е годы XIX в. В англо-американской литературе, а в последнее время и во многих российских изданиях вместо термина «Средняя Азия» используется термин «Центральная Азия», что неверно. В диссертации используются термины «Средняя Азия», «Туркестан», «Закаспийская область» в том значении, в каком они понимались во второй половине XIX в.

Хронологические рамки работы включают период с 1870 г. до конца XIX в. – со времени изменения военной структуры и системы комплектования ККВ и участия в Хивинском походе до окончательной организации кордонной службы кубанских казаков в Закаспийской области во взаимодействии с туркменской конной милицией.

Цель диссертационного исследования – выяснение роли кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России в 70–90-е годы XIX в.

Задачи исследования состоят в следующем:

- установить причины привлечения и проанализировать все случаи участия Кубанского казачьего войска в завоевании Средней Азии;
- доказать, что казаки 4-ой сотни Ейского казачьего полка первыми из подразделений ККВ оказались в Закаспии, и принимали непосредственное участие в покорении Хивинского ханства, в составе сводного Терского казачьего полка;
- раскрыть методы адаптации казаков к непривычным условиям пустынной местности и жаркого климата Закаспийского региона;
- выявить степень объективности оценки российскими офицерами и генералитетом боевых качеств кубанских казаков, проявленных в Средней Азии;
- раскрыть особенности применения кубанских казачьих подразделений во время присоединения и дальнейшей службы в Закаспийском регионе;
- выявить особенности военного искусства и боевого опыта кубанских казаков, проявившиеся в период Хивинского похода 1873 г. и присоединения Туркмении;
- установить роль кубанских казаков в привлечении к российской военной службе туркменского (текинского) населения, определив, как менялось восприятие казаков населением завоёванной территории;
- обобщить опыт кубанских казаков в охране государственной границы и поддержании порядка в регионе.

Методология и методы исследования. Методология в диссертации понимается как совокупность принципов и методов исследования – общенаучных и конкретно-исторических. Принцип историзма предусматривает рассмотрение сущности казачества, особенностей его использования в ходе завоевания Средней Азии в конкретно-исторических условиях, в динамике всех изменений и вызовов времени. Принцип объективности обязывает отказ от пристрастных оценок и политических установок, поиск объективных закономерностей, определяющих ход военно-политических событий и связанных с ними явлений, опору на факты во всей их совокупности и в истинном содер-

жании. Системный подход обеспечивает последовательность исследовательских процедур по выявлению структурных связей между элементами изучаемой системы, в частности, взаимодействие между родами войск в процессе боевых действий, взаимодействие штаба экспедиционного отряда, как с отдельными подразделениями, так и с вышестоящими органами военного управления.

Общенаучные методы исследования (анализ, синтез, методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному) использовались в связи с возникновением, развитием и исчезновением изучаемых явлений. Политика правительства и действия военного руководства на окраинах империи и в соседних странах синхронно и диахронно (т.е., в пространственном и временном дискурсе), при этом исторический метод раскрывает явления в их развитии, а логический позволяет понять их внутреннее содержание.

Компаративный анализ (предусматривающий как историко-генетический, так и историко-системный методы) позволил по-новому рассмотреть взаимоотношения имперского центра и регионов, объяснить механизмы управления и осуществления поставленных задач. Сравнительный метод позволил оценить степень эффективности применения кубанских казаков по сравнению с драгунами, а также представителями иных казачьих войск при выполнении боевых и иных служебных задач.

Источниковая база исследования представлена различными видами опубликованных и неопубликованных документов, которые можно условно разделить на семь групп:

Первую группу составляют законодательные и нормативные акты, приказы военного министра и командующего войсками Кавказского военного округа, наказного атамана ККВ, временно-командующих войсками, действующими в Закаспийском крае, командующих отрядами. В библиотеке Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) обнаружены и изучены печатные экземпляры приказов военного министра, а также наказного атамана ККВ. Документы этой группы имеют ключевое значение для понимания организации, характера службы казачества, важнейших вопросов управления и т.д.

Вторую группу составили делопроизводственные материалы. Документальные публикации, содержащие разнообразные материалы по истории присоединения Средней Азии к России, о состоянии ККВ в этот период. Некоторые из них подготовлены и изданы офицерами Генерального штаба³⁴. Существенным дополнением к ним были изданные приказы генерала М.Д. Скобе-

³⁴ Материалы для истории Хивинского похода 1873 г. Ташкент, 1879; Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. / сост. под ред. В.Н. Троицкого. Ташкент, 1881. Кн. 2; Материалы для описания Хивинского похода 1873 года [ч. I]. Описание действий кавказских отрядов / сост. под ред. В.Н. Троицкого. Ташкент, 1881; Серебрянников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Ташкент, 1908. Т. 1 и др.

лева¹, где есть упоминания о кубанских казаках. Особую ценность представляют сборники документов, подготовленные и изданные архивистами в Ашхабаде в 1946 и 1960 гг.². Делопроизводственная документация (служебная переписка, статистические сведения, рапорты, отчёты, докладные записки, списки послужные и чинов по старшинству и т.д.). Она частично опубликована в сборниках документов³, представлена в виде приложений к историческим трудам⁴, в архивных материалах, изученных диссертантом в 24 фондах архивов, музеев и библиотек, расположенных в Москве и Краснодаре.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва) исследованы фонды Казачьего отдела Главного штаба (ф. 330), «Военные действия в Средней Азии» (ф. 483), «Военно-учёного архива» (ф. 846), «Военное управление Закаспийской области и 2-го Туркестанского армейского корпуса» (ф. 1425), «Формулярные списки и другие документы о службе личного состава Русской армии» (ф. 489).

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) в личном фонде великого князя Михаила Николаевича (ф. 649), а также в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде Милютиных (ф. 169) и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в фонде Н.И. Гродекова (ф. 307) обнаружены фрагменты переписки, позволяющие дополнить информацию, известную из опубликованных источников.

В Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ, г. Москва) хранится информация, касающаяся военных действий России в Средней Азии, где казаки упоминаются в документах фондов «Миссия в Персии» (ф. 40), «Сношения России с Персией» (ф. 77), «Среднеазиатский стол» (ф. 147).

В документальном фонде Музея Пограничных войск ФСБ РФ (г. Москва) обнаружена лишь одна единица хранения, имеющая отношение к теме⁵. В экспозициях музея нет информации о казаках, охранявших границы.

Материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар), относящиеся к теме диссертации, сосредоточены, в основном, в фонде Войскового штаба ККВ (ф. 396). В частности, ценнейшим источником являются послужные списки казачьих офицеров Ейского, Кавказского,

¹ Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876–1882) / под ред. Маслова. СПб., 1882; Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876–1882). СПб., 1913.

² Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России. Сборник документов. Ашхабад, 1946; Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад, 1960.

³ Россия и Туркмения в XIX веке ...; Присоединение Туркмении к России ...

⁴ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–4. СПб., 1883–1884; Гулыга И.Е. 1-й Полтавский Кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913 и др.

⁵ Музей Пограничных войск ФСБ. Документальный фонд дореволюционного периода. Д. 484. Свод штатов военно-сухопутного ведомства. Кн. 3. Казачьи войска с их управлениями. СПб., 1885.

Лабинского, Полтавского, Таманского конных полков. В библиотеке архива изучены печатные экземпляры приказов наказного атамана ККВ и командующего войсками Кавказского военного округа за 1873–1894 гг.

Третья группа источников – документы личного происхождения, среди которых наибольшую часть составляют мемуары и дневники, в меньшей степени – путевые записки и письма современников. Несмотря на субъективные оценки событий, их авторы сообщают о том, о чём умалчивают официальные документы, дополняют информацию живыми картинами прошлого. Среди участников Хивинского похода 1873 г., описавших действия кубанских казаков, наиболее ценные мемуары оставили М. Алиханов¹ и Н. Гродеков, Я. Мак-Гахан и Х. Штумм, прибывшие в Хиву с русскими отрядами².

Уникальная информация о службе казаков-лабинцев (1876-1877 гг.) содержится в мемуарах командира 5-й сотни М. Арнольди³. Неудачную первую Ахал-Текинскую экспедицию раньше всех отобразили в печати Г. Демуров, В. Туган-Мирза-Барановский и А. Ржевуский⁴. Позже были изданы мемуары А. Черняка, Л. Кавказова, С. Кодицеца, дающие дополнительные штрихи к истории похода⁵. Вторая Ахал-Текинская экспедиция отражена более подробно в воспоминаниях А. Верещагина, А. Маслова, О. Гейфельдера, А. Щербака⁶. Рассказы туркмен о геок-тепинском сражении зафиксированы в небольшой публикации, изданной в Ашхабаде, но они в большей мере содержат негативные эмоциональные оценки действий русских войск⁷.

¹ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873. Степь и оазис. СПб., 1899.

² Mac-Gahan J.A. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. London, 1874; Мак-Гахан Я.А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875; Stumm H. Der russische Feldzug nach Chiwa. I. Theil. Historische und militair-statistische uebersicht. Des russischen operationsfeldes in Mittelasien. Berlin, 1875.

³ Арнольди М.П. В Закаспийском крае в 1877 году. (Воспоминания офицера) // Военный сборник. 1885. № 9, 10; Арнольди М.П. В Закаспийском крае в 1877 году. (Воспоминания офицера). СПб., 1885.

⁴ Демуров Г.З. Бой с текинцами при Денгиль-Тэпе 28 августа 1879 года // Исторический вестник. 1881. № 3; Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке. 1879 г. СПб., 1881; Ржевуский А. От Тифлиса до Денгиль-Тепе. (Из записок участника) // Военный сборник. 1884. № 6–10; 1885. № 3, 6, 7.

⁵ Черняк А. Экспедиция в Ахал-Теке 1879 года // Военный сборник. 1887. № 6–7, 9, 10; Кавказов Л.Д. Первый Ахал-Текинский поход 1879 г. Белосток, 1889; Черняк А. Из походных воспоминаний // Луч. 1890. № 2–6, 10; Кодицец С. Неудавшаяся экспедиция // Исторический вестник. 1900. № 4. С. 221–241.

⁶ Верещагин А.В. Воспоминания очевидца о текинской экспедиции 1880–1881 гг. // Верещагин А.В. Дома и на войне. 1853–1881. Воспоминания и рассказы. СПб., 1885. С. 471–600; Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке // Маслов А.И. I. Завоевание Ахал-Теке... II. Материалы для биографии и характеристики Скобелева. СПб., 1887. С. 1–206; Гейфельдер О.Ф. Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве. 1880–1881 гг. // Русская старина. 1886. № 11; 1887. № 4, 7; 1892. № 7; Щербак А.В. Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. Из воспоминаний. Изд. 2-е. СПб., 1900.

⁷ Öwezbaýew S. Gönübek (Gökdepe söweşine gatnaşan türkmeniň gürrüňi). Aşgabat, 1991.

Участие кубанцев в присоединении Восточной Туркмении и конфликте с афганцами 1881–1885 гг. отражено в текстах М. Алиханова, В. Прасалова, М. Казанцева, Н. Карандакова¹, А. Ламанова².

Четвёртая группа – материалы периодической печати. Среди журналов особенно часто публиковал тексты, относящиеся к теме – «Военный сборник», а также «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Военно-исторический вестник», «Военно-медицинский журнал», издававшиеся в Петербурге, Москве и Киеве. Из газет наиболее активно освещали процесс завоевания Средней Азии «Русский инвалид» и «Московские ведомости», а «Кубанские областные ведомости» перепечатывали информацию из официальных источников.

Пятая группа – публицистические произведения современников, показывающие реакцию разных слоёв общественности на военные действия в Средней Азии. Здесь видна чёткая грань между российской и британской публицистикой. Первая оправдывала продвижение российских войск в Среднюю Азию³, последняя трубила о русской угрозе Индии⁴.

Шестая группа – справочные и энциклопедические издания. Справочники, составленные по архивным и официальным документам А.Л. Гизетти и его сотрудниками⁵, войсковым архивариусом И.И. Кияшко⁶, сотрудниками Кубанского статистического комитета⁷. Справочная книжка «Казачьи войска», составленная В.Х. Казиным для Императорской Главной квартиры⁸,

¹ Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9–10; Казанцев М.П. От Зеравшана до Таш-Кепри // Военный сборник. 1904. № 6–12; 1905. № 1–2; Карандаков Н. Мургабский отряд и Кушкинский бой // Военный сборник. 1910. № 3; Прасалов В.П. Мургабский поход 1885 года, завершившийся боем с авганцами на Кушке 18 марта. СПб., 1910.

² Ламанов А.Д. История Первого Кавказского полка. Кропоткин, 2011.

³ См., например, публицистический очерк: Федоров К.М. Ахал-текинская экспедиция 1880–1881 гг. Геок-тепинский бой. М.Д. Скобелев. Асхабад, 1904.

⁴ Marvin Ch. The Eye-Witnesses' Account of the Disastrous Russian Campaign against the Akhal Tekke Turcomans: Describing the March across the Burning Desert, the Storming of Dengeel Tépé, and the Disastrous Retreat to the Caspian. London, 1880; Marvin Ch. Merv, the Queen of the World; and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans. London, 1881; Marvin Ch. Russia's power of Attacking India. London, 1885 и др.

⁵ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. Тифлис, 1896; он же. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901; он же. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис, 1901.

⁶ Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 год. Екатеринодар, 1911.

⁷ Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873; Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар, 1876; Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881; Кубанская справочная книжка. 1883 г. Екатеринодар, 1883; Кубанская справочная книжка. 1891 г. Екатеринодар, 1891 и др.

⁸ Казин В.Х. Казачьи войска: Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. По 1-е апреля 1912 года. СПб., 1912.

хронологический справочник В.С. Шамрая¹. Некоторые данные, относящиеся к теме диссертации, уточняет дореволюционная многотомная «Военная энциклопедия»² и современные кубанские энциклопедии³. Краткий очерк истории пограничной службы и энциклопедия «Пограничная служба России»⁴ свидетельствуют лишь о том, что участие кубанских казаков в охране границ остаётся неизученной темой.

Седьмая группа – картографические материалы: атласы, карты, планы населённых пунктов, крепостей и сражений.

В целом, изученная литература и источники позволили реализовать задачи диссертационного исследования.

Научная новизна исследования. Представленная диссертация является первым комплексным исследованием участия кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России в 70–90-е годы XIX в. Новизна работы следующая:

1. Впервые выявлены и проанализированы причины и все случаи участия в походах, и в последующей службе на территории Средней Азии, подразделений ККВ до конца XIX в.. Установлено, что наряду с кубанскими сотнями в среднеазиатских походах участвовали также кубанские казаки в составе частей регулярной армии. Среди них были как потомственные казаки, так и приписанные к ККВ и долго служившие в нём, фактически слившиеся с войском.

2. Установлено, что участие кубанских казаков в Хивинском походе 1873 г. слабо отражено в исторической памяти ККВ. А вместе с тем казаки 4-й сотни Ейского полка, участвовавшие в этом походе оказались включёнными в состав 2-й сборной казачьей сотни и 2-й сводной казачьей сотни, причём первая из них дошла до Хивы, а вторая обеспечивала тыловые работы на Мангышлаке. Обе сотни состояли из кубанских и терских казаков, поэтому имеющиеся в литературе упоминания Сунженской сотни на самом деле следует понимать как действия Сунженско-Кубанской сотни.

3. Доказано, что при недостаточном снабжении казачьих подразделений всем необходимым и менее качественном огнестрельном оружии, по сравнению с конницей регулярной армии, кубанские казаки полностью оправдали ожидания командования. В экстремальных условиях Средней Азии кубанцы несли службу более эффективно, чем регулярная кавалерия, успешно применяя при этом различные способы и методы адаптации к непривычному пустынному климату.

4. Установлено, что мнения генералитета о боевых качествах казачества сильно расходились: одни считали его анахронизмом, другие восторгались ка-

¹ Шамрай В.С. Хронология важнейших событий и законоположений, имеющих отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1913 год. Екатеринодар, 1913. Т. XVIII. Паг. 3. С. 98–140.

² Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. I–XVIII. СПб., 1911–1915.

³ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997; Энциклопедия кубанского казачества. Краснодар, 2011.

⁴ На страже границ Отечества. История пограничной службы: краткий очерк. М., 1998; Пограничная служба России: Энциклопедия: Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. М., 2009 и др.

заками. Первые обычно не имели опыта командования казаками и не умели правильно использовать лучшие их боевые качества, вторые основывались на своём личном опыте. С начала появления российских войск в Туркмении (1869 г.) службу здесь несли терские казачьи сотни, но в 1876 г. они были смены кубанскими. С этого времени до Первой мировой войны сотни ККВ составляли практически всю конницу в регионе. Доказано, что только в периоды активизации военных действий в Туркмении (две Ахал-Текинские экспедиции 1879 и 1880–1881 гг., походы против афганцев в 1885 г.) сюда для усиления конницы перебрасывали драгун (2 сотни) и казаков других казачьих войск (Терского, Оренбургского и Уральского), но и тогда среди казаков абсолютно преобладали кубанцы. Выяснено, что две сотни Астраханского казачьего войска, включённые (наряду с кубанскими сотнями) в состав Закаспийской казачьей бригады после присоединения Туркмении к России, служили за пределами Закаспийской области, на территории которой только кубанские казаки составляли российскую конницу.

5. Впервые рассмотрены и проанализированы особенности применения кубанских казачьих подразделений как в Закаспийских походах 70-х – первой половине 80-х годов XIX в., так и после установления контроля над территорией Закаспийской области в конце столетия.

6. Выявлены особенности военного искусства и боевого опыта кубанских казаков, проявившиеся в период Хивинского похода 1873 г. и присоединения Туркмении. Среди кубанских казачьих подразделений во время Ахал-Текинских экспедиций уникальную роль играла 5-я сотня Полтавского полка, именовавшаяся также «ракетной сотней». Несмотря на низкую боевую эффективность применявшихся тогда ракет, при умелом их использовании они несли панику в ряды противника и содействовали победе.

7. Доказано, что туркменская иррегулярная конница (текинская милиция) эффективно служила вместе с кубанскими казаками после присоединения региона к России, а её боеспособность повышалась благодаря обучению казаками. Кубанские казаки заслужили авторитет и уважение у местных жителей, что оказывало положительное влияние на восприятие казачьей военной культуры текинцами, а также способствовало сближению казаков с местным населением.

8. Установлено, что кубанские казаки играли значительную роль в охране государственной границы России с Персией и Афганистаном как до, так и после создания в Закаспийской области бригады пограничной стражи, так как профессиональных пограничников было крайне недостаточно.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Абсолютное преобладание казаков в составе российской конницы во время среднеазиатских походов второй половины XIX в. объясняется не только высокими боевыми качествами казаков, но также их лучшей адаптацией к экстремальным местным природным условиям и гораздо меньшими расходами казны, по сравнению с регулярной кавалерией. По отзывам многих командиров: казаки являются лучшей боевой кавалерией, а для пехоты – самым надежнейшим авангардом. Казаки отличались удалью, смелостью и смекалкой при условии умелого управления ими. Казачьи подразделения имели худ-

шее по качеству вооружение, по сравнению с частями регулярной армии, однако не уступали драгунской коннице в боевой обстановке, а в конвойной и разведывательной службе именно казакам отдавалось предпочтение. Участие кавказских казаков в Хивинском походе было predetermined географическим положением: войска Кавказского военного округа было гораздо проще переправить через Каспийское море, чем организовать экспедицию из Оренбургского или Туркестанского военных округов.

2. Участие казаков 4-й сотни Ейского полка в Хивинском походе 1873 г. было первым опытом ведения боевых действий представителями ККВ в Закаспийском регионе. Причем этот опыт оказался положительным. Вместе с терскими казаками и дагестанской конной милицией кубанцы были включены в состав сводного Терского казачьего полка, успешно выполнив боевую задачу.

3. В ходе рекогносцировок и походов на территории Туркмении с 1876 г. по 1885 г. в составе конницы преобладали кубанские казаки, которые успешно участвовали в боевых операциях, выполняли поставленные задачи и эффективно боролись с противником. Несмотря на непривычным условиям пустынной местности и жаркий климат кубанские казаки успешно применяли различные методы и способы адаптации.

4. Оценка российскими офицерами и генералами действий и боевых качеств кубанских казаков, проявленных при завоевании Средней Азии довольно неоднозначна. Одни считали, что боевая подготовка казаков осталась на уровне наполеоновских войн, но эти командиры, как правило, не имели опыта взаимодействия с казаками, слабо знали менталитет и боевые возможности казаков. Другие, имевшие опыт командования казаками, считали их самой эффективной и лучшей кавалерией, способной выполнить любую боевую задачу.

5. Особенности применения кубанских казачьих сотен, как во время военных экспедиций в Средней Азии в 70-х – первой половине 80-х годов XIX в., так и после установления контроля над территорией Закаспийской области в конце столетия, заключались в решении важнейших задач, связанных с разведкой сил и средств противника, обеспечением связи между отрядами, рекогносцировкой местности, сопровождением грузов и партий, быстрой доставкой почты, приказов и донесений, патрулированием и охранением основных сил экспедиционных отрядов, а до 1893 г. также с охраной государственной границы.

6. Используя традиционные приёмы казачьего военного искусства («лава», «вентерь», шашечный бой и др.), кубанцы, как и прочие казаки вынуждены были при столкновении с более многочисленной и слабо организованной конницей противника действовать плотными массами, применять залповый огонь, который был весьма эффективен против неорганизованных масс хивинцев и туркмен. Во время Ахал-Текинских экспедиций уникальную роль играла 5-я «ракетная» сотня Полтавского полка.

7. Туркменская иррегулярная конница (текинская милиция), созданная вначале для прекращения аламанов и формирования лояльной прослойки населения в регионе, постепенно повышала боеспособность благодаря обучению её кубанскими казаками и совместной службе с ними. Высокие боевые качества казаков вызывали уважение среди местных жителей, стремление подражать им.

Это приводило к положительному восприятию казачьей военной культуры текинцами, а также способствовало культурному сближению казаков с местным населением, что укрепляло интеграцию недавно завоёванной территории в Российскую империю и обеспечивало мирную жизнь в регионе.

8. До появления специально подготовленных пограничников кубанские казаки охраняли границу на кордонных линиях, задерживая контрабанду, обеспечивая карантинный заслон и борясь с разбойниками. Но даже после создания в Закаспийской области бригады пограничной стражи и появления постов пограничной стражи на границе с Персией и Афганистаном, кубанские казаки вместе с текинской конной милицией вынуждены были помогать пограничникам из-за малочисленности последних.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что разработка рассматриваемой проблемы способствует системному изучению истории Кубанского казачества в целом, и в частности боевого пути ККВ в Закаспийских походах. Материалы диссертационного исследования о роли кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России могут быть использованы в музейной работе, в учебном процессе при разработке лекционных курсов и учебных пособий по отечественной истории, особенно для казачьих учебных заведений и в спецкурсах со слушателями из среднеазиатских стран. Материалы о подвигах кубанских казаков сыграют важную роль в военно-патриотическом воспитании молодёжи. Анализ темы позволяет сделать рекомендации как для Вооруженных Сил и пограничных войск России, так и для подразделений, осуществляющих миротворческую деятельность в «горячих точках» и во время контртеррористических операций.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальности ВАК. Диссертационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.02 – Отечественная история (п. 8. Военная история России, развитие ее вооруженных сил на различных этапах развития; п. 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений).

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях. Диссертация обсуждена на заседании кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин «Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков» и получила положительную оценку. На заседании кафедры истории России «Кубанского государственного университета» принято решение о рекомендации диссертационного исследования к защите. На основе исследованного материала опубликованы 6 статей, в том числе 3 – в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырёх глав, в составе восьми параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дано обоснование актуальности темы исследования, сделан обзор отечественной и зарубежной научной литературы, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки, методологическая и источниковая основа работы, сформулированы цель и задачи исследования, указана научная новизна работы и положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о теоретической и практической значимости, соответствии диссертационного исследования паспорту специальности 07.00.02, об апробации работы и её структуре.

Первая глава «Кубанское казачье войско в начальный период присоединения Средней Азии к России» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Военно-политическая обстановка в Средней Азии и Кубанское казачье войско накануне Хивинского похода 1873 г.» показано, что ко времени начала завоевательных походов русских войск в Туркестане одни представители российского генералитета считали, что иррегулярные войска (в т.ч. казачьи) следует упразднить, по примеру крупнейших европейских держав. Другие полагали, что казачьи войска необходимы, т.к. гораздо дешевле обходятся казне, но применять их следует как вспомогательные войска, для разведки, дезорганизации противника, для обеспечения связи, конвоирования и т.д. Лишь немногие на личном опыте убедились, что казачество не утратило своего значения, а в ряде случаев действует даже эффективнее регулярной армии.

Во время походов казакам редко позволяли проявить инициативу – они должны были выполнять приказы, но не рассуждать. Часто их подчиняли командирам отрядов неказачьего происхождения, а порою даже полками и сотнями командовали не казаки. Свои неудачи подобные командиры объясняли тем, что командовали не вымуштрованными регулярными частями, а всего лишь иррегулярными войсками, которые на самом деле не умели правильно использовать (этому не учили в военных академиях и училищах).

В течение XIX в. боевая подготовка казаков неуклонно повышалась (хотя по качеству вооружения они проигрывали регулярной армии), а длительность службы делала их профессионалами военного дела, гораздо более опытными, чем недавно призванные в армию солдаты. В 1870 г. произошла радикальная реформа управления в ККВ – созданы военные отделы, каждый из которых формировал конные полки. Территории полков были сформированы заново, из-за чего исчезла преемственность с существовавшими ранее полками. Большая часть конных полков и пластунских батальонов служила далеко за пределами Кубанской области.

Отдельные представители кубанского казачества участвовали в Завоевании Средней Азии даже раньше, но в составе других подразделений. Кроме того, участниками завоевания Туркестана были офицеры, числившиеся по ККВ, но не бывшие казаками по происхождению, либо причисленные к войску позже. Среди них был генерал А.В. Пистолькорс, ставший кубанским казаком ещё в 1840-е гг. Сотником Кубанского войска стал князь Дадиани.

Необходимость прекратить разбойничьи набеги из Хивинского ханства стала причиной похода 1873 г., в котором участвовали отряды трех военных округов. Наиболее боеспособной частью войск хивинского хана была туркменская конница, поэтому даже военный разгром этого ханства неизбежно приводил к последующей войне против туркменских племён. Опыт туркестанских походов показал, что казачьи подразделения легче переносили местные экстремальные условия, чем регулярная конница, боевые качества казаков не вызывали сомнения. Это и определило состав конницы, привлечённой к походу.

Второй параграф «Участие кубанских казаков в Хивинском походе 1873 г.» рассматривает боевой путь Мангишлакского отряда, в составе которого ейские казаки участвовали в походе. 4-я сотня Ейского полка вошла в сводный конный полк, где большинство составляли терские казаки, по причине того, что Ейский полк был дислоцирован в Терской области, и сотню отправили по предписанию штаба войск Терской области. Ни один из полков не принимал участия в полном составе: считалось, что опыт похода в экстремальных природных условиях должны получить отдельные подразделения разных полков.

Из-за спешки поход плохо подготовлен. Ошибочные действия начальника отряда полковника Н.П. Ломакина привели к нехватке посуды для воды, не было палаток, ротных котлов и т.д. Значительную часть пути казаки шли пешком – верблюды падали от непосильной тяжести. Недалеко от Хивы выяснилось, что не было средств переправы, штурмовых лестниц, никто не знал, где найти перевязочный пункт. Но выводом Ломакин не сделал, что в будущем привело к провалу Ахал-Текинской экспедиции 1879 г.

Во время движения состав отряда менялся, кубанские казаки оказались разделены. Установлено, что из казаков Сунженского и Ейского полков были сформированы 2-я сборная и 2-я сводная казачьи сотни. Первая прошла весь боевой путь и участвовала во взятии Хивы. Вторая находилась в глубоком тылу и обеспечивала подвоз продовольствия через опорные пункты. Мемуаристы и историки часто ошибались, называя сборную сотню Сунженской.

Соединившись в Кунграде, войска Мангишлакского и Оренбургского отрядов двинулись к городу Ходжейли, где 15 мая отбросили несколько сотен хивинских всадников. Хан и его окружение не верили, что русские смогут пройти с северо-запада в столь экстремальных условиях, поэтому все войска были сосредоточены для отражения удара со стороны Туркестана. Сражения 18–22 мая привели к разгрому хивинской конницы.

Соединённый отряд 28 мая подошёл к Хиве, чтобы соединиться с отрядом К.П. Кауфмана. Хива капитулировала и русские войска (в т.ч. ейские казаки) вошли в столицу. Современный узбекский фальсификатор Саламов пишет, что солдаты М.Д. Скобелева устроили резню в городе¹, чего не было.

Поход нельзя было считать окончанным, пока не было гарантии, что хивинские туркмены признают себя побеждёнными. Их отказ выплатить кон-

¹ Саламов Ш.Н. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Ташкент, 2015. С. 61.

трибунцию и освободить рабов привёл к карательной экспедиции, в результате которой йомуды и туркмены других племён были разгромлены и отеснены в пески. Это укрепило власть хана, и было положительно воспринято оседлыми жителями ханства, страдавшими «от разбоев туркмен».

Казачья конница показала самые ценные качества. Даже при небольшом численном превосходстве противника в конном бою неизбежно побеждали казаки, однако при значительной численности врага необходима была помощь артиллерии и пехоты. Пики оказались бесполезными, хотя на вооружении казаков оставались даже в Первую мировую войну.

Вторая глава – «Начало присоединения Туркмении и участие кубанского казачества в Закаспийских походах 1876–1879 гг.», состоит из двух параграфов. **Первый параграф** назван «**Роль казаков в начале присоединения Туркмении и участие кубанцев в походах 1876–1878 гг.**». Все мемуаристы писали как о бесспорном факте, что туркменские племена жили преимущественно грабежом и разбоями, а самыми воинственными среди них были текинцы. Ранее они продавали захваченных рабов в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, но после ликвидации там рабства и превращения этих государств в протектораты России, нападали на российские опорные пункты, видя в них главную для себя угрозу. Огромные конные массы текинцев побеждали персов, но не могли сдержать натиска малочисленных российских отрядов. Туркмены враждовали даже между собой. Наиболее дальновидные из них просили российских монархов о покровительстве, а другие грабили русские суда и караваны, захватывали людей в плен. В условиях отсутствия государственности решения старейшин не были обязательными для всех туркмен. Наибольший опыт взаимодействия с такими племенами имели казаки. Не подчинив себе туркмен, нельзя было добиться стабильности в регионе. Важную роль играло и геополитическое противоборство между Великобританией и Россией. Активизация англичан в регионе заставляла принимать меры. Российское командование вынуждено было создать на юго-восточном побережье Каспия операционные базы для подготовки наступления против текинцев. В 1876 г. 2 сотни терских казаков в Закаспии заменили на 5-ю и 6-ю сотни Лабинского конного полка ККВ. Тогда это была вся российская кавалерия в Туркмении.

В 1877 г. генерал Н.П. Ломакин предпринял рекогносцировку из Красноводска к Ахал-Текинскому оазису, где в районе Геок-Тепе находилась крепость Денгиль-Тепе. Он занял Кызыл-Арват, а 12 мая казаки были атакованы несколькими тысячами текинских всадников. От гибели их спасла подошедшая рота пехоты и горная полубатарей. С этого времени русские постоянно убеждались в том, что в бою текинцы проявляли гораздо большее упорство, чем прежние противники в Средней Азии. Начавшееся вскоре возвращение отряда походило на бегство, казачьему дивизиону пришлось идти лавой в арьергарде и подбирать отставших солдат. Командир 5-й лабинской сотни М.П. Арнольди возглавил конницу отряда.

В 1878 г. лабинские сотни вновь участвовали в походе на Ахал-Теке и дошли до Бендесена, но возвращение Красноводского отряда воспринимали

лось текинцами как признак слабости русских. Поэтому нападения текинцев стали более частыми и дерзкими, что потребовало многократного усиления конницы. Начавшаяся в конце 1878 г. англо-афганская война крайне обеспокоила Россию, т.к. угрожала выходом англичан к долине Аму-Дарьи, что могло активизировать действия противников в регионе. В Петербурге решено в 1879 г. овладеть оазисом Ахал-Теке.

Второй параграф «Действия кубанских казаков в Первой Ахал-Текинской экспедиции 1879 года» посвящён анализу неудачного похода русских войск в район Геок-Тепе. Движение войск Закаспийского отдела осуществлялось от Чикишляра, что позволяло намного сократить переход через безводное пространство. Согласно плана штаба Кавказского военного округа, здесь были сосредоточены 17^{1/2} батальонов, 2 эскадрона и 18 сотен кавалерии, в том числе 2-я, 3-я, 4-я и 6-я сотни Таманского, 1-я, 2-я, 3-я и 5-я сотни Полтавского, 5-я и 6-я сотни Лабинского конных полков ККВ. Количество казачьих сотен возросло до 12, из которых 10 составляли кубанские казаки. Кавказское начальство выделяло для участия в экспедиции, как правило, полки не в полном составе, а их отдельные подразделения. Это давало им новую боевую практику, пополняло летопись подвигов, что было важно для культивирования боевых традиций. С другой стороны, против такого противника посылать значительные силы было нецелесообразно.

Командовать экспедицией был назначен генерал-лейтенант И.Д. Лазарев. Начальником штаба стал полковник Я.Д. Малама (в 1892–1904 гг. – наказной атаман ККВ), прибывший в Красноводский отряд поручиком в 1869 г. Для обеспечения тыла и поддержания сообщения с Чикишляром в районе кочевий туркмен-йомудов была создана Атрекская линия из 5 укреплений. В 1879 г. часть кубанских казаков была включена в состав конницы Атрекской линии, а 27 июля того же года начальником кавалерии на этой линии был назначен Д.Е. Эристов – командир Полтавского полка ККВ.

Хотя И.Д. Лазарев считался опытным генералом, он не знал особенностей театра военных действий и психологии противника, надеялся занять оазис без сопротивления. Выявилась острая нехватка продовольствия и фуража, экспедиционный отряд шёл налегке – все тяжести были оставлены в тылу. При такой легкомысленной подготовке поход был обречён на неудачу. После внезапной смерти И.Д. Лазарева командовать пришлось старшему по званию генерал-майору Н.П. Ломакину. Сильнейший зной отнимал все силы, отряд продвигался медленно, но казаки во время похода постоянно проявляли отличие, мужество и храбрость в столкновениях с противником. 2 сотни казаков Лабинского полка были отправлены в набег на аулы атабаевцев. Основные силы экспедиционного отряда вышли из Бендесена 21 августа, имея продовольствия только на 15 дней. Медико-санитарное обеспечение отряда было минимальным – командующий надеялся, что потери будут ничтожными, а победа казалась бесспорной.

Преодолев хребет Копет-Даг, 28 августа экспедиционный отряд подошёл к Геок-Тепе тремя колоннами. Несмотря на крайнюю усталость от жажды и трудного перехода по пескам, без предварительной разведки три колон-

ны русских атаковали крепость. Кубанское казачество представляли здесь 1-я сотня Таманского, 2-я и 5-я сотни Полтавского полка. Позиция русских занимала около 8 верст, а линия штурма свыше 3 верст. Малочисленные атакующие, не имея штурмовых лестниц и иных приспособлений для штурма, не везде смогли взобраться на стены, лишь некоторые прорвались в крепость, где погибли в неравной борьбе. Убедившись в малочисленности штурмующих, нескольких тысяч текинцев сделали вылазку и стали окружать тех, кто только что атаковал. Положение спасла артиллерия, а также удар полтавских казаков и драгун. Хотя туркменам всё же пришлось отступить, русские испытали настоящий шок – такого сопротивления они не ожидали.

Просчёты Ломакина привели к тому, что в бою принимала участие незначительная часть казаков, т.к. бóльшая часть конницы стояла к северо-востоку от крепости, «на пути предполагавшегося отступления неприятеля». Есть свидетельства того, что командир отряда утратил управление боем. Попытка Ломакина захватить Геок-Тепе провалилась. Впервые за всю историю завоевания Средней Азии убитые и раненые составляли 35–38% атакующих. Туркмены восприняли происшедшее, как свою победу, тем более, что русские отступили, не забрав даже тела погибших и бросив часть оружия.

От нового командующего генерала А.А. Тергукасова требовалась победа, но предложенный им 4-х летний план, не устраивал Петербург и поэтому во главе экспедиционного отряда был поставлен генерал М.Д. Скобелев. К этому времени вся конница в Закаспии состояла из кубанских казаков.

Третья глава – «Кубанские казаки во Второй Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг.» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе «Кубанские казачьи сотни на начальном этапе Второй Ахал-Текинской экспедиции»** раскрыты особенности службы и боевого применения кубанцев в период, предшествующий осаде Денгиль-Тепе.

М.Д. Скобелев фактически вступил в командование войсками Закаспийского края, прибыв в Александровский форт 1 мая (где находилась 5-я сотня Лабинского казачьего полка), а 4 мая устроил смотр гарнизона в Красноводске (где была 6-я сотня того же полка). Подготовка к походу заняла весну и лето: были созданы склады провианта и боевых запасов, временные госпитали. Все войска размещались по укреплениям Атрекской линии. Её начальником был командир Таманского казачьего полка А.Ф. Арцишевский. Кавалерия тогда состояла из 10 кубанских сотен. Чтобы обеспечить накопление необходимого довольствия, Скобелев на время существенно сократил численность своих войск.

В экспедиции Ломакина, целая сотня казаков «была разобрана в вестовые». Понимая значение казаков как боевой силы, Скобелев стремился максимально использовать их в этом качестве и ограничил количество вестовых. Экспедиция готовилась намного тщательнее. Необходимость в 20 тысячах верблюдов потребовала помощи Оренбургского и Туркестанского военных округов.

21 июня в неравном бою с текинцами, продолжавшемся 8 часов, убиты доктор Студитский и 2 казака. Подвиг горстки кубанских казаков произвёл

такое впечатление, что оставшихся в живых Скобелев награбил знаками отличия военного ордена 4-й степени, а позже главком Кавказской армией награбил их знаками 1-й степени. Это были первые боевые награды с начала экспедиции.

Кубанские казаки выполняли разнообразные задачи, поставленные начальством. Служба была достаточно тяжелой, но даже в таких сложных условиях осуществлялся перенос основной базы экспедиционного отряда из Чикишляра в Бами. Подвоз запасов обеспечивался по линиям: Чикишляр – Бами (Атрекская линия) и Красноводск – Бами (Михайловская линия).

1 июля М.Д. Скобелев с небольшим отрядом (3 ½ роты, 3 сотни казаков Полтавского и сотня Таманского полка) предпринял смелую рекогносцировку к Денгиль-тепе, чтобы разведать подступы к крепости, показать текинцам неотвратимость их разгрома. Дерзкий поход ошеломил текинцев, а также поднял дух российских войск. Главная тяжесть службы в этот период легла на казаков, постоянно сопровождавших транспорты и начальство, осуществлявших разведку и т.д. в условиях страшной жары. Казачья конница была рассеяна на всём пространстве коммуникаций, порою мелкими командами, постоянно меняя дислокацию. Казачий полк нигде не использовался как единая боевая единица.

Отбиваясь от нападений текинцев, в течение пяти месяцев в Бами перевезли 800 тыс. пудов грузов, что позволило создать прочную базу для успешного наступления на Геок-Тепе. Скобелев сформировал «отряд вторжения», во главе которого в конце ноября начал перенос базы из Бами в Егян-батыркала, что означало приближение последней стадии операции. Во главе кавалерийской колонны (4 кубанских сотни, 2 эскадрона драгун, конно-горный взвод) он прошёл по горным тропам и неожиданно для противника в ночь на 28 ноября появился рядом с крепостью Денгиль-Тепе. Теперь Скобелев мог опираться на цепь пунктов, обеспечивавших поступление всего необходимого для осады. В конце года из Туркестанского округа прибыл отряд полковника А.Н. Куропаткина. На его поиски отправлен хорунжий 1-й сотни Таманского полка Д.В. Стеценко, награждённый за это орденом св. Георгия 4-й степени.

К 20 декабря в Самурском сосредоточилось до 7100 человек. Казачья конница состояла из 3 сотен Таманского полка, 2 сотен 5-го Оренбургского, по одной сотне от Полтавского, Лабинского, 1-го Оренбургского и 2-го Уральского полка. Часть войск обеспечивала безопасность коммуникаций, в т.ч. 7 казачьих сотен. Только решительный штурм и взятие крепости Денгиль-Тепе могли привести к покорению оазиса и стать примером для восточных текинцев (именно это привело в 1884 г. к мирному присоединению Мервского оазиса к России).

Во втором параграфе «Участие казаков в осаде и штурме Денгиль-Тепе под руководством генерала М.Д. Скобелева» проанализированы события, происходившие с декабря 1880 г. После трёх рекогносцировок М.Д. Скобелев захватил селение Янги-кала, где устроил лагерь в 800 саженях от стен крепости. В бою отличились две таманские сотни. Численность войск

не позволяла взять крепость в кольцо, где находился более многочисленный противник, но постепенно русские захватили соседние калы и курганчи – ставшие важными опорными пунктами. 21 декабря колонна генерал-майора Н.Г. Петрусевича (драгуны, конно-горный взвод и 4 кубанских сотни) произвела рекогносцировку восточного и северного фронтов крепости, отбив вылазку текинцев. Осадные работы (прокладывание траншей, возведение редутов и батарей) начались 23 декабря. Чтобы противник не смог бежать из крепости, М.Д. Скобелев приказал отряду генерал-майора Н.Г. Петрусевича (2 эскадрона драгун и по одной сотне Лабинского, Полтавского и Таманского полков) занять расположение на пути возможного отступления в пески. Но в курганче Джуми-кала оказалась текинская засада, были убиты генерал Петрусевич, 2 офицера и 12 нижних чинов.

Чтобы иметь возможность продолжать осаду с малыми силами, Скобелев сократил фронт атаки. Несмотря на сильные удары противника, лагерь был передвинут ближе к Денгиль-Тепе – к войскам, занимавшим траншеи. Это уменьшило площадь, занимаемую отрядом, облегчало оборону осадных работ и лагеря. Резерв под личным начальством Скобелева составлял 17 рот, всю кавалерию, за исключением сотни спешенных казаков, переданных А.Н. Куропаткину, и 30 орудий. В отличие от предыдущей экспедиции, штурм готовился тщательно. В ночь на 4 января сооружен Ширванский редут в 25 сажнях от крепости. Именно оттуда стали производиться минные работы. К началу штурма М.Д. Скобелев собрал под стенами Денгиль-Тепе 47 рот пехоты, 9 эскадронов и сотен конницы, 58 орудий, 5 картечных, 16 мортир – всего около 7 тыс. чел. Вся кавалерия была спешена и тоже должна была принять участие в штурме. Кроме того, лошади нуждались в отдыхе, т.к. им предстояло преследовать побеждённого противника. К началу штурма численность кубанских казаков составляла 422 чел. – 40,7% конницы отряда, а если исключить драгун, то 53,76% всех конных казаков, находившихся у Денгиль-Тепе (2-я сотня Полтавского, 1-я и 3-я сотни Таманского, 5-я сотня Лабинского полков).

После ожесточенной борьбы, продолжавшейся три недели, утром 12 января колонна подполковника Гайдарова начала наступление на юго-западный фас крепости, отвлекая внимание текинцев. Наряду с этим, артиллерия открыла огонь, расширяя брешь, пробитую 8 января. В намеченное время мощный взрыв образовал обвал части стены, открывший дорогу штурмующим. Несмотря на потери, текинцы продолжали упорное сопротивление, затем началось их отступление, которое постепенно перешло в бегство из крепости через северные выходы. Если бы Скобелев полностью окружил крепость, оборона продлилась бы намного дольше и потери русских намного увеличились.

Убедившись в полном успехе всех штурмовых колонн, Скобелев приказал спешенному кавалерийскому резерву отправиться в лагерь, сесть на коней и прибыть к бреши, пробитой артиллерией. Лично возглавив драгун, 2-ю сотню полтавских казаков и две таманские сотни, он преследовал бегущих текинцев 15 верст.

Приведённые данные свидетельствуют о беспрецедентном упорстве текинцев, не встречавшемся более нигде в Средней Азии. За всю осаду потери экспедиционного отряда убитыми и ранеными составили 1104 человека. Свидетельством героизма, проявленного кубанцами, участвовавшими в осаде и штурме Геок-Тепе, были многочисленные награды. Крепость отдана победителям на разграбление на 4 дня. Санкционированный грабёж воспринимался казаками как заслуженная награда. Но уже 13 января создан попечительский комитет, занимавшийся снабжением текинских семей предметами первой необходимости из запасов и имущества, оставленного в крепости. Это способствовало быстрому умиротворению края.

18 января 1881 г., отряд А.Н. Куропаткина (в т.ч. 2-я сотня Полтавского полка) без боя овладел Асхабадом – текинцы были слишком потрясены, чтобы сопротивляться. Затем две колонны двинуты в пески, всех встреченных текинцев обезоруживали, разрешая вернуться в прежние места жительства. Разгром Геок-Тепе создал предпосылки для присоединения к России остальных туркменских племён. М.Д. Скобелев демонстрировал готовность продолжить завоевательные походы, что не соответствовало политике Александра III. 28 марта 1881 г. М.Д. Скобелев сдал командование войсками и управление краем генералу П.Ф. Рёрбергу и отправился в Санкт-Петербург.

Для кубанских казаков, участвовавших в Ахалтекинских походах 1879–1881 гг., это была суровая школа мужества и повышения боевого мастерства. После окончания военной кампании кубанские казаки продолжали службу в Туркмении. Так, в начале 1881 г. Таманский полк был дислоцирован в Чикишляре, штаб-квартира Полтавского полка находилась в Бами, две сотни Лабинского полка были переброшены на Атрекскую линию. В мае того же года все четыре сотни Полтавского полка вернулись из Ахал-Теке в свои прежние места дислокации. А в начале следующего года этот полк сменил на Ванкской кордонной линии в Закавказье 1-й Кавказский конный полк ККВ, последний же был направлен в Туркмению.

Во Втором Ахал-Текинском походе кубанцы участвовали не только в составе казачьих сотен, но и в частях регулярной армии – будущий наказный атаман ККВ М.П. Бабыч, потомственный кубанский казак, находился в Туркмении в составе 2-го батальона 74-го пехотного Ставропольского полка.

Казачьи подразделения имели худшее по качеству вооружение, по сравнению с частями регулярной армии, однако не уступали драгунской коннице в боевой обстановке, а в конвойной и разведывательной службе предпочтение отдавалось казакам. В экстремальных природных условиях Туркмении кубанские казаки быстрее адаптировались, чем солдаты регулярной армии.

Четвёртая глава «Боевые действия и служба кубанских казаков в Закаспийской области в 80–90-е гг. XIX в.», состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Участие кубанских казачьих формирований в присоединении Восточной Туркмении и вооруженном противоборстве с афганскими отрядами в 80-х годах XIX века» показаны особенности боевой службы казаков Кавказского, Таманского и Лабинского полков в период завершения присоединения туркменских земель к России и оформления её

границ в регионе. В конце февраля – марте 1881 г. войска, дислоцированные в регионе, постепенно сокращались. На Кавказ были переправлены сотни Полтавского полка. Снова вся российская конница в Закаспийском крае состояла из кубанских казаков (Таманского и Лабинского полков). После разгрома Геок-Тепе представители племенной знати соглашались на переговоры, результатами которых было «добровольное» присоединение к России Восточной Туркмении. Прекращение туркменских набегов с удовлетворением было воспринято в Персии. Согласно секретной статье конвенции от 9 декабря 1881 г., казакам и пограничной страже разрешалось переходить персидскую границу и преследовать «аламанщиков».

В июне 1883 г. начальник Закаспийской области генерал А.В. Комаров совершил дипломатическую поездку в провинцию Хорасан, где приветствовал шаха Насреддина от имени императора. В поездке генерала сопровождала сотня 1-го Таманского полка и взвод текинской милиции. То, что вчерашние враги служили вместе с казаками, произвело на шаха сильное впечатление и усилило влияние России в регионе.

1 января 1884 г. на собрании старшин победила идея добровольного перехода жителей Мервского оазиса в подданство царя. Вскоре в Мерве размещены 2 сотни Таманского полка. Вероятность столкновения на неразграниченной территории с афганцами, подстрекаемыми британцами, вынудила перебросить дополнительные войска в Закаспийскую область, в т.ч. 1-й Кавказский полк ККВ, после чего конница здесь состояла из 12 сотен кубанских казаков. С января 1885 г. лабинские сотни находились на Атрекской линии, таманские – от Кызыл-Арвата до Асхабада, кавказские – от Асхабада до Мерва.

Для закрепления за Россией спорной территории генерал А.В. Комаров сформировал два отряда – Мургабский и Тедженский (Серахский). Он лично возглавил Мургабский отряд (в который входили три сотни 1-го Кавказского полка) и двинулся к р. Кушка. 18 марта 1885 г. произошел бой у Таш-кепри, в котором вместе с кубанскими казаками против афганцев сражались туркмены. Англичане, наблюдавшие за ходом боя в безопасном месте, бежали вместе с афганцами. Поражение заставило последних отступить по всей линии. Итогом победы стало закрепление Пендинского оазиса за Россией и установление границы по р. Кушка. Значение победы возросло ещё и потому, что небольшому русскому отряду впервые в Средней Азии пришлось столкнуться с противником, имеющим регулярную армию. Афганцы ранее наносили крупные поражения прекрасно оснащённым и обученным британским войскам, поэтому не менее важным был психологический эффект: победа показала народам Средней Азии силу даже малочисленных российских отрядов и тщетность надежд на поддержку Англии. Туркмены, участники битвы, торжествовали над своими давними врагами – афганцами и с тех пор верно служили России.

Небольшой Тедженский отряд, возглавил полковник Н.Н. Флейшер. Его авангард составила 6-я сотня 1-го Кавказского полка. Отряд прикрывал направление Асхабад – Мерв, со стороны правого фланга. В состав отряда из Асхабада 12 февраля были также отправлены 4-я и 6-я сотни Таманского

полка. Флейшер успешно выполнил задачу – обошел у Зюльфагара находившийся там афганский отряд, который не рискнул оказать сопротивление, а узнав о победе русских у р. Кушка, немедленно отступил в Афганистан.

Во втором параграфе «Особенности кордонно-постовой службы казаков Кубанского войска в Закаспийской области» проанализирован период после завершения военного конфликта с Афганистаном до передачи Закаспийской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства. В процессе определения на местности российско-афганской границы участвовали кубанские казаки. Охрана границы и таможенный досмотр первоначально также были возложены на них. 1-я сотня 1-го Кавказского полка получила приказ занять постами границу по р. Кушке. Постовые команды располагались в палатках. Связь с начальником отряда обеспечивали посты летучей почты, а наблюдение за Афганистаном производилось с помощью шпионов из местных жителей.

Сохранявшаяся угроза афганского вторжения заставила разместить 6 сотен 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска в Мерве, но после соглашения о делимитации границы Афганистана, полк был выведен, и снова вся конница в Закаспийской области состояла из кубанских казаков. В состав сформированной тогда Закаспийской конной казачьей бригады, вошли полки ККВ: 1-й Таманский, 1-й Кавказский и 3-й дивизион 1-го Лабинского полка.

Сотни 1-го Кавказского казачьего полка продолжали нести службу по долинам Теджена и Мургаба с Кушкой. Кубанские казаки «охраняли арыки и колодцы, сопровождали грузы, транспорты, партии, прикрывали колонны, участвовали в боевых рейдах и в топографических работах, выставляли кордонные посты вдоль границы с Персией и Афганистаном» и т.д. Приходилось сопровождать и таможенных чиновников, военных следователей и др. Казачью службу приходилось нести в экстремальной обстановке и учиться навыкам выживания. Бытовая неустроенность, удушающая жара и плохая вода, тучи насекомых и змеи, местные болезни – это делало службу тяжёлой.

По инициативе Кавказского округа две сотни Лабинского полка ККВ, расположенные по р. Атрек, были возвращены в Закавказье. Их предлагалось заменить астраханскими казаками. Однако прибывшие в 1887 г. 2 сотни 1-го Астраханского казачьего полка были размещены в укреплении Керки на Аму-Дарье (т.е. за пределами Закаспийской области). В результате служба 1-го Таманского полка стала более тяжёлой, т.к. ему пришлось охранять и Атрекскую линию.

Казачьи посты не могли полноценно осуществлять пограничный и таможенный контроль, т.к. это мешало боевой и строевой подготовке. С 1893 г. охрана границы была возложена на Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС), подчинённый министру финансов С.Ю. Витте, который являлся также шефом Пограничной стражи. Однако до 1899 г. в Средней Азии сохранялся прежний порядок – охрану границы несли казаки. Только в феврале 1899 г. был сформирован 7-й округ Пограничной стражи, штаб которого

находился в Ташкенте. В состав округа вошли Закаспийская и Аму-Дарьинская бригады ОКПС.

В Петербурге понимали, что сплошная охрана границы от Каспийского моря до Китая была неосуществимой, поэтому было решено выставить охранные пограничные посты только на важнейших торговых путях. Эти посты, численностью 9-18 чел. организовывались из вольнонаемных джигитов, с подчинением их начальству из ОКПС. Однако вскоре выяснилось, что джигиты из местных жителей «требованиям службы, дисциплины и порядка не поддаются, своевольны и ленивы и вообще в служебном и нравственном отношении не надёжны», но они были нужны как переводчики и проводники. Без помощи военных было не обойтись. В результате казаков по-прежнему привлекали к охране границы. Порою из-за угрозы распространения эпидемий из Персии и Афганистана казачьи сотни привлекались также для несения карантинной службы.

Казалось бы, перечисление Закаспийской области в состав Туркестанского округа должно привести к замене кубанских казаков на уральских или оренбургских, но и в дальнейшем здесь служили только кубанцы. Две астраханские сотни, оказавшись за пределами туркменских земель, с 1899 г. включены в состав Закаспийской казачьей бригады, состоявшей из полков ККВ.

Успешная служба казаков в Закаспии обусловлена тем, что туркмены довольно быстро оказались интегрированными в Российскую империю. Опора на местную знать, обеспечение условий для мирной жизни племён, создание иррегулярной текинской милиции, со временем превратившейся в конный полк, совместная служба текинцев с кубанскими казаками – это обеспечило стабилизацию обстановки в регионе и свидетельствовало об успехе политики царского правительства. Даже хивинский хан и бухарский эмир были причислены к казачеству, представители местной знати с гордостью носили казачью форму. Совместная служба с кубанцами, по замыслу российского командования, должна была со временем превратить текинскую милицию в аналог казачества. В короткий срок России удалось добиться лояльности местного населения и надёжности обладания завоёванными территориями.

Туркменская иррегулярная конница (текинская милиция), созданная вначале для прекращения аламанов, а также для формирования лояльной прослойки населения в регионе, постепенно повышала боеспособность благодаря обучению её казаками и совместной службе с ними. Совместная служба кубанских казаков с текинцами в составе Закаспийской конной казачьей бригады способствовала также культурному обмену, выработке совместных традиций и сближению между местным населением и российской военной администрацией.

В заключении подводятся итоги исследования. Преобладание казаков в составе российской конницы в среднеазиатских походах второй половины XIX в. объясняется не только высокими боевыми качествами, но и лучшей адаптацией к местным условиям и меньшими расходами казны по сравнению с регулярной кавалерией. Наиболее удачно казаки показали себя под руководством командиров, научившихся правильно использовать подразделения, изучивших особенности боевой выучки, тактики и менталитета казаков.

Привлечение кубанского казачества к участию в походе в Хиву и завоеванию Туркмении обусловлено более удобной переброской войск с Кавказа, чем из Оренбургского и Туркестанского военных округов. Лишь после соединения Закаспийской железной дороги с Ташкентом, Закаспийская область передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а расположенные на её территории войска – в состав Туркестанского военного округа. Но даже после этого кубанские казачьи подразделения, служившие на территории Закаспийской области, не заменены уральскими или оренбургскими казаками.

Хотя инициатива казачьих сотников и командиров полков поощрялась, в целом, командующие войсками предпочитали не допускать соединения казачьих подразделений в крупное соединение, распределяя их по отдельным отрядам. Нередко практиковалось смешивание сотен из разных казачьих войск, поощряя соперничество между ними. В то же время кубанские полки и отряды, нередко возглавляли офицеры неказачьего происхождения, что можно расценить как проявление недоверия к казачеству.

Наиболее адаптированными к природным условиям Средней Азии были уральские и оренбургские казаки. Для кубанцев эти условия были непривычными, однако они, проявляя инициативу, адаптировались намного успешнее, чем солдаты регулярной армии, хотя последних гораздо лучше снабжали всем необходимым и обеспечивали более современным вооружением.

Используя традиционные приёмы казачьего военного искусства («лава», «вентерь», шашечный бой и т.д.), кубанцы вынуждены были при столкновении с более многочисленной конницей противника действовать плотными массами, применять залповый огонь, который был весьма эффективен против неорганизованных масс туземцев. Но в критических условиях казаки применяли традиционные тактические приёмы, например, пешую оборону с батовкой лошадей, хотя из нового казачьего устава этот приём исключён.

Сотни конных полков ККВ доказали доблесть и эффективность в среднеазиатских походах второй половины XIX в., что отмечали как мемуаристы, так и военные историки, принимавшие участие в боевых действиях. Причины неудачи первой экспедиции заключались не в боевых качествах войск, а в ошибках командования, недостаточно подготовившегося к походу и в ряде неверных решений, принятых во время неудачного штурма Геок-Тепе.

Некоторые эпизоды военной истории кубанского казачества до последнего времени оставались забытыми даже казаками. Так, участие казаков 4-й ейской сотни в Хивинском походе 1873 г. не отражено в местных хрониках. В результате исследования установлено, что эти казаки, будучи включёнными в сводный Терский казачий полк, по воле командующего Мангышлакским отрядом оказались в составе 2-й сборной и 2-й сводной казачьих сотнях, причём первая из них дошла до Хивы, а вторая обеспечивала тыловые работы на Мангышлаке. Обе сотни состояли из кубанских и терских казаков, поэтому имеющиеся в литературе упоминания Сунженской сотни на самом деле следует понимать как действия Сунженско-Кубанской сотни.

С начала появления российских войск в Туркмении (1869 г.) службу здесь несли терские казаки, но в 1876 г. они были сменены кубанскими. С этого времени до Первой мировой войны сотни ККВ составляли почти всю конницу в регионе. Только в периоды активизации военных действий сюда

для усиления конницы перебрасывали драгун и казаков других казачьих войск (Терского, Оренбургского и Уральского), но и тогда среди казаков преобладали кубанцы.

Не имея специальной экипировки для выживания в условиях жаркого климата и безводных пространств Туркестана, кубанские казаки научились приспособливаться к экстремальной обстановке и быстрее адаптировались в ней, чем солдаты регулярной армии. Об этом, в частности, свидетельствует численность военнослужащих разных родов войск в госпиталях и лазаретах.

Кубанские казаки как во время экспедиций в Средней Азии, так и после присоединения Туркмении к России играли важнейшую роль в обеспечении разведки и связи, конвойной и охранной службы, а до конца XIX в. также в охране границы. Казаки охраняли границу на кордонных линиях, задерживая контрабанду, обеспечивая карантинный заслон и борясь с разбойниками. Но даже после появления постов пограничной стражи на границе с Персией и Афганистаном, кубанцы, вместе с текинской милицией, вынуждены были помогать пограничникам из-за малочисленности последних. Казаки и текинцы нередко оказывались на чужой территории, преследуя разбойников, сопровождая посольства, географические экспедиции и т.д. Опыт охраны кубанскими казаками этой границы нуждается в специальном изучении.

Удачное использование текинской конной милиции помогало кубанским казакам во взаимодействии с ней обеспечивать мирную жизнь. Совместная служба сопровождалась обучением текинцев по казачьему образцу, что постепенно повышало боевые качества конной милиции. Текинцы, получая достаточное денежное вознаграждение, ценили свою службу и гордились ей. В полной мере положительные результаты сказались во время Первой мировой войны, когда текинцы храбро сражались на Германском фронте.

Высокие боевые качества казаков вызывали уважение среди местных жителей, стремление подражать им. Это приводило к положительному восприятию казачьей военной культуры текинцами, а также способствовало культурному сближению казаков с местным населением, что укрепляло интеграцию недавно завоёванной территории в Российскую империю. Прекращение разбоев обеспечило экономическое и культурное развитие Средней Азии в целом, и Туркмении в частности. Результатом было появление железных дорог, городов, школ и больниц, оживление торговли. Наилучшие результаты по закреплению завоёванных территорий достигались при создании казачьих станиц (как было в конце Кавказской войны), но в Туркмении кубанцы не создавали своих поселений – территория оставалась для них чужой и могла быть легко потеряна в случае вывода войск.

Количество участников присоединения Туркмении к Российской империи, имевших отношение к кубанскому казачеству, не ограничивается конными сотнями отдельных его полков. В разные годы здесь проходили службу и участвовали в боевых действиях офицеры, которые впоследствии причислены к Кубанскому казачьему войску. В частности, это адъютант Красноводского отряда поручик Я.Д. Малама, ставший в 1892–1904 гг. начальником Кубанской области и наказным атаманом ККВ. Кроме того, здесь находились казаки по рождению, служившие в регулярной армии (среди них был М.П. Бабыч – начальник Кубанской области и наказный атаман ККВ в 1908–

1917 гг.), а также десятилетиями служившие в кубанских казачьих частях лица неказачьего происхождения, сроднившиеся с казачеством (генерал-майор А.В. Пистолькорс, полковник М.П. Арнольди и др.).

Таким образом, уроки мужества и стойкости, любви к Отечеству, взаимопомощи и самопожертвования, которые дает история участия кубанского казачества в Закаспийских походах второй половины XIX в., могут быть использованы для объективного понимания истории казачества, соблюдения преемственности военно-патриотических традиций в историческом развитии общества.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

а) статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. Потапов А.Е. «Вспомним, братцы, про былое»: участники событий о роли кубанских и терских казаков в Хивинском походе 1873 года / А.Е. Потапов, В.Н. Бурдун // Военный академический журнал. 2018. № 3 (19). С. 63–70 (0,8 п.л.).

2. Потапов А.Е. Роль кубанских казаков в Ахал-текинских экспедициях 1879–1881 гг. по свидетельствам современников / А.Е. Потапов, А.М. Махров // Военный академический журнал. 2018. №3(19). С. 71–77 (0,8 п.л.).

3. Потапов А.Е. Кубанские казаки в Мургабском походе. Бой у реки Кушка (1885 г.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 64–69 (1,05 п.л.).

б) прочие статьи в научных изданиях:

4. Потапов А.Е. Кубанские казаки в составе экспедиционных корпусов. Хивинский поход 1873 года / А.Е. Потапов, В.А. Малов // Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: Сб. материалов XIII науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 22 февраля 2013 г.). Краснодар: ИМСИТ, 2013. С. 93–101 (0,7 п.л.).

5. Потапов А.Е., К вопросу о роли кубанских казаков в присоединении Туркмении к России // Война и воинские традиции в культурах народов юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д: Альтаир, 2018. С. 145–154 (0,55 п.л.).

6. Потапов А.Е. К вопросу о присоединении Туркмении к Российской Империи // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. С. 334–340 (0,65 п.л.).

Потапов Андрей Евгеньевич
УЧАСТИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРИСОЕДИНЕНИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ (70–90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 19.03.2020 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.